

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.91

DOI: 10.17223/23088451/16/22

А.С. Князьков**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ
МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ**

Исследуются научные подходы к определению факторов молодежного экстремизма в России. Дается соотношение понятий национализма и экстремизма. Рассматриваются вопросы зарубежного опыта профилактики экстремизма, принципиальные возможности его использования в российской практике. Обосновывается необходимость разработки методологических основ оценки современного состояния молодежного экстремизма в России.

Ключевые слова: факторы экстремизма, молодежный экстремизм, объекты насильственного экстремизма, профилактика молодежного экстремизма, методология исследования.

Одной из форм деструктивного развития человечества в XXI в. является экстремизм. Всеохватность данного явления, его различные проявления и как следствие сращивание с терроризмом предопределили необходимость постоянного обращения к проблемам его профилактики, в том числе уголовно-правовыми и криминологическими средствами.

Говоря об онтологии современного экстремизма, одним из видов которого выступает молодежный экстремизм, необходимо исходить из того, что в проблематике борьбы с экстремизмом, в том числе уголовно-правовыми средствами, пересекаются во многом пока еще до конца не познанные, детерминирующие социальные конфликты в форме экстремизма экономические, социальные, правовые, идеологические и иные причины. Соответственно, принятие надлежащих мер профилактики молодежного экстремизма как одного из наиболее опасных в плане будущего развития российского общества и государства предполагает исследование понятия, сущности и природы названного явления.

Нельзя не видеть, что современное состояние борьбы с экстремизмом является средоточием проблем общества и государства; соответственно, это требует поиска методологических основ профилактики экстремистских проявлений. Более или менее длительная история разработки вопросов противодействия молодежному экстремизму в современной России позволяет взглянуть на содержание отдельных научных публикаций, особенно публикаций молодых авторов, с позиции наличия в них методологических положений теории и практики.

Прежде всего необходимо отметить очевидную спорность тезиса о том, что экстремизм как явление присущ именно российскому обществу. В частности, указывается, что «практически с молоком матери наши дети впитывают нетерпимость ко всему иному, не совпадающему с их точкой зрения, взглядами, интересами» [1. С. 175]. Данного рода суждения, во-первых, указывают на такие истоки формирования экстремистский взглядов, как семья, во-вторых, подчеркивают исключительность данного обстоятельства для россий-

ского общества. Как представляется, такой взгляд требует развернутого доказывания, поскольку в специальных работах это обстоятельство в качестве фактора экстремизма не называется: отмечается лишь, что к молодежному экстремизму иногда причастны взрослые лица [2. С. 337].

Называя различные направления экстремизма, такие как праворадикальный, леворадикальный и религиозный, отдельные авторы подчеркивают особую привлекательность последнего для молодежи [3. С. 52]. На наш взгляд, такое положение дел объясняется тем, что религиозные свойства личности тесно связаны с национальными признаками. В этом случае объект мнимой угрозы для молодежи представлен непосредственно в виде лиц иной национальности, иной религиозной принадлежности.

Вряд ли правильным будет связывать упущения в профилактике экстремизма, в том числе молодежного, с длительным отсутствием в российском законодательстве дефиниции «экстремизм». Данное, по мнению отдельных авторов, серьезное методологическое упущение было устранено Конвенцией Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [4], указывающей, что экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий [Там же. С. 53]. Соответственно, критика содержащегося в федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятия «экстремистская деятельность» строится на том, что это определение является «лишь перечислением состава преступлений, поэтому складывается впечатление, что это просто “идеологический” закон» [Там же. С. 54]. Оценивая данное суждение, следует сказать, что, напротив, законодатель строго следует принципу, согласно которому сами по себе взгляды (мысли) того или иного лица не оцениваются как противоправные: конституционно-правовая, уголовная и административная виды ответственности наступают лишь в случае объективирования этих мыслей в деяния и лишь при условии, что в законе названы признаки таких деяний.

При решении вопроса о профилактике экстремизма в молодежной среде необходимо учитывать результаты инициирования такого рода программным документом специфической по своему характеру деятельности правоохранительных органов. Так, на примере реализации приоритетной задачи защиты прав ребенка уголовно-правовыми средствами отмечается, что принятые Федеральным законом от 29.02.12 г. № 14-ФЗ поправки «...создают видимость активного участия государства в удовлетворении основных потребностей социума, в частности, защиту детей. При этом направлены они на достижение декларируемого результата “любой ценой”, без учета фактических обстоятельств и без проведения реального анализа воздействия такого наказания на преступников, совершивших данные преступления» [5. С. 63].

Нельзя не видеть кардинально иное понимание направленности усилий государства на противодействие экстремизму: вместо тезиса о всеохватности борьбы с экстремизмом, подкрепляемой огромными финансовыми затратами, звучит мысль о том, что российская практика предупреждения экстремизма целиком строится на воздействии на тот фактор, который требует минимальных организационных и материальных затрат. Данное предположение в определенной мере строится на правовой реальности, состоящей в том, что «...государственная власть нередко возлагает большие надежды на правовое урегулирование возникающих национальных конфликтов с основным прицелом на уголовно-правовой ресурс» [6. С. 436]. Гиперболизация такой практики, с учетом тесной связи экстремизма и терроризма, проявляет себя в назывании в числе функций российского государства его антитеррористической функции [7], что, разумеется, неправильно.

Не способствует в полной мере формированию модели противодействия молодежному экстремизму простое перечисление причин данного явления в нашей стране [2. С. 336] без постановки вопроса о том, равнозначны ли эти причины, а если нет, то какие из них детерминируют возникновение причин второго порядка.

Устоявшимся является подразделение мер профилактики экстремизма, в том числе его молодежного проявления, на общие и специальные меры предупреждения [8. С. 128]. Вместе с тем в большей мере к пониманию проблем молодежного экстремизма в нашей стране приближает научный подход, состоящий в группизации мер профилактики в соответствии с делением детерминант преступности на общесоциальные, социально-психологические и личностные [9. С. 59].

Очевидно, что само по себе перечисление причин экстремизма в нашей стране, без вычленения из их числа определяющих, системообразующих факторов, дает лишь более или менее полное представление об объеме, но не системности факторов. В качестве примера приведу такой опубликованный перечень: «неоднородность населения, когда в стране проживают представители 193 наций и народностей со своими уникальными традициями, носители 255 языков; утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров; обостренное чувство социальной не-

устроенности, незащищенности у значительных контингентов граждан; настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, общественная фрустрация, снижение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений; недостаточная работа правоохранительных и социальных государственных и общественных органов по защите прав граждан; низкий уровень образования и культуры в обществе; широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и агрессии; наличие в стране крупных нелегальных “рынков” оружия, запрещенной литературы и иных материалов; относительная легкость их приобретения; проблемы в формировании молодежной политики; наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в Афганистане, Приднестровье, Сербии, Таджикистане и других “горячих точках”, и их недостаточная социальная адаптированность в обществе переходного периода; проблемы в реализации правоохранительной и иной государственной деятельности в сфере противодействия экстремизму; функционирование на территории страны экстремистских и террористических организаций и сообществ, незаконных вооруженных формирований» [10. С. 15].

Представляется правильным рассматривать системообразующие причины, а также причины производного от них характера, что не всегда присутствует в рассуждениях о проблеме молодежного экстремизма. Так, например, некоторые авторы рассматривают в качестве одной из причин указанного явления низкий уровень правовой социализации данной группы населения [11], не акцентируя внимание на «причину данной причины», словно бы неудовлетворительный уровень указанной социализации существует априори у молодых лиц и якобы детерминирован самим фактом возраста. В этой связи заметим, что о причинах молодежного экстремизма во многом можно судить из работ, в которых акцентируется внимание на те обстоятельства, которые используют экстремистские, прежде всего международные, группы для вовлечения молодых людей в свои преступные сообщества: одно из таких обстоятельств представляет собой растущее экономическое неравенство и чувство несправедливости [12. С. 74].

На примере экстремистского движения «А.У.Е.» заметна одна особенность молодежного экстремизма как антисоциального явления: легкость, с которой молодежь вовлекается в экстремизм. Очевидно, что объяснить это повышенной внушаемостью лиц в этом возрасте невозможно. Нельзя исключать, что это есть своего рода реакция молодежи на осознание неустойчивости своего положения, препятствий на пути их социализации (прежде всего, трудоустройства и получения надлежащих средств к существованию).

Попытки увидеть в качестве причины молодежного экстремизма возраст, в котором доминирующим качеством выступает «потребность соответствовать нормам групп и организаций, авторитет руководителей и членов которых они признают» [13. С. 106], также представляются неудачными, поскольку названное обстоятельство не объясняет причину вовлечения соответ-

ствующих лиц, а лишь указывает на присущее членам любых, не только деструктивных, организаций правило уважать её нормы и руководителей.

В некоторых работах проглядывается попытка объяснить молодежный экстремизм неразвитостью психики молодых людей, отсутствием критического осмысления действительности [14. С. 87], без постановки вопроса о том, почему эти же свойства, присущие большинству лиц данного возраста, не препятствуют им выбрать антиэкстремистский вариант поведения. В некоторых работах рассматривается тезис о влиянии фактора интеллекта на вовлеченность молодежи в экстремистские движения. К примеру, отмечается: «Далеко неправильным является взгляд на члена субкультурной группировки как на “трудного” подростка с низким интеллектом и неспособного адаптироваться к быстро изменяющимся условиям современной жизни. Уровень интеллекта влияет лишь на статус конкретного молодого человека в группе» [15. С. 73].

Само по себе здесь произведена классификация трудных подростков на «трудных» с низким интеллектом и, условно, говоря, на «трудных» с достаточно высоким интеллектом». Но дело даже не в этом: главное состоит в поиске ответа на вопрос о том, почему отдельные подростки, независимо от уровня психического развития и интеллекта, активно поддерживают экстремистские взгляды, в том числе объединяясь в соответствующие группировки. Очевидно, что с высоким интеллектом приходят в данное движение не на уровне бессознательного подражания своим сверстникам, а как результат более или менее взвешенной оценки ситуации. Соответственно, ответ на данный вопрос требует ответа на ряд иных вопросов: во-первых, что вовлекается в процесс их осмысления, во-вторых, насколько объективно подана информация о положении дел, требующая реагирования на нее несовершеннолетнего либо подростка как члена общества, в-третьих, кем она подана: самим государством либо его противниками. Исходя из этого, на наш взгляд, продуктивным будет еще один подход к пониманию феномена молодежного экстремизма, состоящий в том, что в новых социально-экономических условиях, в которых находится российское общество, возможность участия несовершеннолетних и молодежи в делах государства и общества значительно снизилась, с точки зрения охвата и организационного оформления подростковых и молодежных движений. Не принижая существующих движений молодежи, нельзя не учитывать, что такие движения организованы по партийным признакам, и при всей схожести позитивных для страны направлений каждого из молодежных движений, феномен «свой-чужой» получает объективное воспроизводство.

При разработке мер по противодействию молодежному экстремизму, в том числе при оценке экстремистских действий должностными лицами правоохранительных органов и судьями, следует учитывать неоднородность явления экстремальности как природного человеческого фактора, проявляющего себя «...в конструктивном смысле в виде реализации подлинного бытия и свободы человека в его творчестве, а в де-

структивном – в укоренении человека в неподлинном бытии, обретении им лишь мнимой свободы или бегство от нее» [16. С. 7]. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что отдельные проявления национализма являются, как указывают отдельные авторы, естественным проявлением национализма, и «попытки уголовно-правового подавления национализма... в определенной степени являются подавлением и национального самосознания, ликвидацией его естественных защитных механизмов, отсутствие которых в итоге приведет к гибели русской национальной культуры» [6. С. 438]. Представляется, что проявление национализма присуще любой исторической общности людей, независимо от степени решения социально-экономических вопросов. В некоторых работах можно увидеть объяснение факта отсутствия проявлений экстремизма в отдельных странах, например в США, высоким уровнем жизни его граждан. Жители США, пишет Ю.М. Антонян, постоянно взаимодействуют друг с другом, в том числе в сфере бизнеса, им некогда выяснять, чья нация или религия лучше, и по этой причине расовые конфликты там в основном преодолены [17. С. 75]. Сегодняшняя реальность, как можно видеть, достаточно серьезно опровергает высказанный тезис.

В поисках мер противодействия вовлечению несовершеннолетних и молодежи в экстремистские движения нельзя не видеть расчет преступных элементов на такие особо ценящиеся в юношеском и молодом возрасте качества, как сила, решительность, и предоставление экстремистских «площадок», на которых эти качества демонстрируются и получают «одобрение». В этой связи следует говорить о заметных упущениях в государственной системе массового вовлечения в спортивные движения несовершеннолетних и молодежи.

Четко выстроенная и финансируемая надлежащим образом государственная политика массового вовлечения подростков и молодых людей в спортивное движение, неразрывно связанное с такими принципами спорта, как честность уважение к сопернику, способно в определенной мере нивелировать экстремистскую направленность фанатских групп. Существующая перед футбольными матчами, в ходе них и после окончания футбольной встречи возможность выражать свое неудовольствие в отношении «других», делая это в группе единомышленников, чувствуя при этом их моральную, а нередко – и физическую поддержку, формирует предрасположенность выражать свое неудовольствие не только в отношении футбольных болельщиков других команд, но и в отношении иных категорий «чужаков». Нельзя не заметить, что действия некоторых муниципальных властей провоцируют футбольных фанатов на экстремистские действия: в футбольных публикациях нередко примеры, когда местные власти делают все для того, чтобы необоснованно длинными маршрутами доставлять футбольную команду, гостей и / или её болельщиков к стадиону непосредственно перед матчем, создавая таким образом трудности для футболистов к надлежащей подготовке к матчу, а для болельщиков – трудности в размещении на трибунах.

Представляется возможным для целей дифференциации личностных качеств участников экстремистских сетей учитывать деление их на лиц с устойчивой враждебной направленностью против российского общества и государства, фрустрационно зависимых лиц (как результат их реакции на проблемы в быту и в профессиональной сфере, в том числе временной трудовой занятости), а также лиц, которые при оценке жизненной ситуации видят «легкость» решения проблем объективно иллюзорными способами.

С методологических позиций нужно взглянуть на основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму (п. 27 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.). Нетрудно заметить, что, начиная от обеспечения эффективного применения норм отечественного законодательства и заканчивая заключением с иностранными государствами соглашений, направленных на решение задач в сфере противодействия экстремизму, за рамками повседневно и масштабного противодействия экстремизму остается самый массовый возможный субъект противодействия экстремизму – гражданин, воспроизводящий нормальное общество посредством воспитания подрастающего поколения в семье, в кругу родственников и друзей.

В научной дискуссии о субъектном составе механизма противодействия экстремизму прямо противоположную позицию высказывают авторы, указывающие на то, что «профилактика молодежного экстремизма является прерогативой Федеральной службы безопасности» [18. С. 112].

В монографических работах экстремизм рассматривается с позиции встроенности его в современную насильственную преступность [19]. Нельзя не согласиться с методологией такого подхода, хотя при этом следует учитывать, что экстремизм, будучи составной частью преступного насилия, как насильственное поведение может инициировать совершение иных, не экстремистских по своим мотивам, насильственных и не насильственных преступлений, например массовых грабежей. В этом смысле проявляет себя отмечаемая отдельными авторами закономерность системного проявления преступности, причем, эта система имеет определенную самостоятельность по отношению к вызвавшим её причинам [20. С. 64]. В контексте данного свойства преступности как системного образования необходимо исследование вопроса об опережающем воздействии одних факторов экстремизма на возрастание степени названного явления по сравнению с воздействием других факторов.

В организации борьбы с молодежным экстремизмом необходимо учитывать вопрос о характере объекта экстремистского насильственного воздействия. Представляется в этой связи различать условно «опосредованный» и «непосредственный» объекты названного объекта. На практике они получают следующее выражение: опосредованные виды насильственного экстремизма представляют собой случаи, когда насилие осуществляется в отношении лица либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, проис-

хождения, отношения к религии, безотносительно его поведения.

Непосредственный объект насильственного экстремизма представляют случаи, когда представитель социальной группы, в отношении которой осуществляются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства, своими действиями подтверждают факт принадлежности к этой социальной группе, нередко демонстративно подчеркивая свое «особое» положение. Очевидно, что направленность профилактики экстремизма в этих случаях должна быть различной, и в круг профилактических мероприятий должны быть вовлечены лица – непосредственные объекты насильственного воздействия.

В числе методологических вопросов находится вопрос о взаимосвязи государства и личности как основы противодействия экстремизму, в том числе его молодежному направлению.

Суть такой взаимосвязи, на наш взгляд, должна выражаться в следующих максимумах:

1. Со стороны государства, его органов: «Никакие действия экстремистского характера не должны признаваться борьбой за права человека».

2. Со стороны отдельных членов социальных групп, функционируемых по религиозному, этническому и иным признакам: «Мое поведение – это фактор соответствующей оценки всей социальной группы, к которой я принадлежу, и в случаях противоправных действий с моей стороны я буду нести моральную ответственность перед этой группой».

3. Со стороны группы в целом: «Не всегда община права».

Особенно значимой для понимания причин экстремизма и терроризма является вторая максима. Содержащиеся в многочисленных публикациях тезисы о том, что экстремизм и тесно связанный с ним терроризм обусловлены упущениями государства в политике и в экономике, приводят к тому, что эти два крайне негативные явления загодя получают некое извинительное изложение. Здесь мы видим, как отодвигается на второй план проблема ответственного воспитания индивида в семье, его самовоспитания, а в методологическом плане упускаем из вида принципиальнейшее положение, высказанное Эммануилом Кантом об автономном, свободном и ответственном состоянии человека.

Как отмечается в философской литературе, в настоящее время мораль утрачивает статус высшей инстанции, она превращается сугубо в разновидность обычаев или рассматривается как «частное дело» отдельного человека: в правовой мысли утверждается мнение о том, что нравственные регуляторы могут быть легко заменены юридическими регуляторами [21. С. 66], что может быть рассмотрено как методологическое влечение времени, состоящее в необходимости все большей и большей уголовной ответственности за экстремистские деяния.

В ряду актуальных вопросов борьбы с молодежным экстремизмом стоит вопрос о региональных её аспектах. Решение их, на наш взгляд, предполагает учет нескольких обстоятельств. Во-первых, необходимо диф-

ференцировать причины экстремизма в отношении определенных групп по признакам национальности и принадлежности к религии в том или ином регионе. Во-вторых, факт существования одних и тех же проблем экстремизма в нескольких регионах не означает успешность действий каждого из регионов *по одной и той же программе*: необходимо учитывать антиэкстремистский потенциал региона, его частей. В этой связи нужно уйти от административного навязывания передового опыта, отысканного в других регионах, лишь под предлогом проявившейся его эффективности на определенной территории.

В качестве примера, опровергающего тезис о низком социальном уровне молодых людей как предпосылки вовлечения их в экстремистскую деятельность, можно привести пример студенческого города Томска, вузы которого занимают значимые места в рейтингах по образовательной и научной деятельности. Именно этот интеллектуальный потенциал кладется государственными и муниципальными органами, общественными организациями в основу системы профилактики молодежного экстремизма, учитывая возрастание числа студентов томских вузов из различных государств.

С методологических позиций крайне важным является рассмотрение вопроса об использовании в отечественной уголовно-правовой и криминологической практике зарубежного опыта борьбы с экстремизмом. Представляется возможным назвать лишь некоторые профилактические программы и отдельные меры, используемые в странах Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Так, с позиции предотвращения национального и религиозного экстремизма в Швейцарии принято правило, суть которого состоит в контроле за выполнением трудовым мигрантом обязанности безотлагательно покинуть страну после окончания соответствующего контракта, причем, в случае дальнейшей нужде экономики в трудовых мигрантах, в страну должны въехать лица, ранее не выполнявшие в ней работу [22].

В наибольшей мере и чаще всего национальные программы противодействия экстремизму на Западе строятся с учетом фактора современных коммуникаций его сторонников. Так, созданное в Соединенном Королевстве Великобритании специальное бюро по борьбе с экстремизмом позволяет подданным и иным лицам направлять в него информацию о предположительно экстремистских публикациях, которые они обнаружили в сети Интернет. Делается это простым нажатием имеющейся на веб-сайтах кнопки «Stop», после чего провайдеры направляют пользователя на сайт специального бюро, на котором он в анонимной форме может указать веб-сайт, где был обнаружен такого рода материал. Полученная таким образом информация анализируется в течение 36 часов, и при наличии в её содержании призывов к экстремизму (и терроризму) названное бюро принуждает соответствующего провайдера к удалению этого материала. Кроме того, в результате задействования ресурсов Европола у названного специального бюро существует возможность отслеживать с помощью общественности экстремистские материалы,

публикуемые на четырех языках, и оперативно удалять их из социальных сетей [23]. Наконец, элементом системы противодействия экстремизму в Великобритании является присваивание негосударственной организацией «Союз операторов Интернет» определенных категорий сайтам в зависимости от соблюдения ими этических положений, сопряженных с объективностью подачи информации [24. С. 18]. Нельзя не сказать об организованной «Молодой гвардией» Единой России сетевого краудсорсингового проекта «Медиагвардия», направленного на проверку интернет-ресурсов с целью отыскания экстремистского контента [25. С. 24]. Однако нельзя не видеть, что субъектный состав взаимодействующих с правоохранительными органами лиц, в отличие от британской программы, ограничен молодежью, причем лишь частью её, разделяющей политическую программу «Единой России».

Рядом с этим можно указать на подход Германии, суть которого состоит в запрете средствам массовой информации давать без согласования с руководством полиции сведения о расследуемых тяжких преступлениях. Более того, существует правило о так называемом едином федеральном удостоверении представителя прессы, позволяющем при необходимости установить автора публикации (сообщения) [26].

Особняком стоит политика США по противодействию экстремизму и терроризму, строящаяся на участии в деятельности масс-медиа ряда исламских государств, причем такое участие достигает двадцати пяти процентов вложений на функционирование медиа-групп [27].

Политика заимствования зарубежного опыта в любом направлении правоохранительной деятельности, в частности в сфере противодействия экстремизму, объективно вызывает ряд вопросов:

1) может ли быть задействована в отечественной практике вся система борьбы с экстремизмом того или иного государства;

2) одинаковы ли системообразующий и иные факторы экстремизма, проявляющие себя в большинстве государств или в группе государств;

3) обладает ли современное российское общество необходимой «профилактической готовностью» воздействовать на молодежный экстремизм;

4) располагает ли наше государство для внедрения прогрессивных методов борьбы с экстремизмом нужными финансовыми и специальными техническими средствами.

В определенной степени трудности формирования системы профилактических мер обусловлены неоднозначным пониманием сущности экстремизма, получающей свое проявление в признаках. Показать это можно на примере исследования, проведенного А.В. Петряниным. В качестве признаков преступлений *экстремистской направленности* он называет **мотив** (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), а также **объект**, определяемый в виде общественных отношений в сфере обеспечения общественной

безопасности, нормального функционирования конституционного строя, сохранности мира и безопасности человечества. Далее следует перечень соответствующих преступлений в диапазоне от ст. 205 до ст. 357 УК РФ [28. С. 14]. Однако неясно, почему к преступлениям экстремистской направленности указанный автор не относит убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти (п. «л») ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по тем же самым мотивам (п. «е») ч. 2 ст. 111 УК РФ) и др., ведя при этом разговор «о преступлениях, содержащих в себе признаки экстремизма» [Там же. С. 12].

При этом А.В. Петрянин указывает именно признаки отмеченного преступления, в отличие, например, от авторов, которые в качестве признаков экстремизма называют такие обстоятельства, как повышенный общественный резонанс в результате его совершения, труднопрогнозируемость деяния, его различные формы и виды, повышенная общественная опасность в силу возможности приобрести угрожающие масштабы [29. С. 49].

Завершая разговор о методологических началах профилактики молодежного экстремизма, следует сказать, что они должны лежать в основе предлагаемых теми или иными авторами программных документов. Вместе с тем чаще всего во внимание данное обстоятельство не принимается, в силу чего разные по своему значению и уровню задействования меры профилактики не приобретают системного характера [30].

Представляется, что методология исследования проблем молодежного экстремизма предполагает системное рассмотрение ряда важных для теории и практики положений:

1. Имеется ли системообразующий фактор, устранение (ослабление) которого устранил (ослабит) действие иных факторов молодежного экстремизма, и какой из факторов следует считать системообразующим.

В отдельных работах делается попытка назвать такой фактор: так, например, А.В. Петрянин указывает, что «...основной причиной экстремизма является социальная напряженность общества, возникшая в результате происходящих политических и социально-экономических реформ и кризисов, усиливающаяся специфическим геополитическим положением и полиэтническим составом населения России» [28. С. 13]. Нельзя не увидеть, что экстремизм, сущностью которого является социальный конфликт (социальная напряженность) здесь определяется отмеченным ученым через самое себя, что с точки зрения положений науки логики о понятии как формы мышления является неточным.

2. Является ли системообразующий фактор молодежного экстремизма одинаковым для всех регионов Российской Федерации.

3. Возможна ли, с учетом конкретных исторических условий, смена системообразующего фактора.

4. Какова степень самостоятельности иных факторов по отношению к системообразующему фактору молодежного экстремизма.

5. В каких пределах действуют те или иные обозначенные факторы.

6. Какова степень реагирования системообразующего фактора на деструктивное воздействие извне, направленное на российское общество и государство.

7. Какова степень реагирования иных факторов на деструктивное воздействие извне, направленное на российское общество и государство.

8. Одинакова ли степень воздействия тех или иных факторов на процесс экстремизации различных возрастных групп.

9. Каково влияние телекоммуникационных технологий на усиление действия системообразующего и иных факторов молодежного экстремизма.

10. Каково влияние телекоммуникационных технологий на ослабление действия системообразующего и иных факторов молодежного экстремизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как средство противодействия экстремизму и терроризму // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1 (10). С. 175–178.
2. Корухова К.Н., Бареникова Е.Е. Сущность, причины и профилактика молодежного экстремизма // Студенческая наука : материалы межрег. науч. конф. М. : РГУФКСМиТ, 2020. С. 335–340.
3. Абрамов А.Э. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82). С. 52–55.
4. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: ратифицирована Федеральным законом № 196-ФЗ от 26 июля 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «Кодекс».
5. Тирранен В.А. Фантомы российской уголовной политики XXI века // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 62–64.
6. Сергун Е.П. Возможности уголовного права в противодействии конфликтам на национальной почве // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 436–438.
7. Миц Д.С. Антитеррористическая функция государства: поиск новых форм осуществления // Lex russica. 2020. Т. 73, № 2 (159). С. 125–132.
8. Абдрахманов Д.М., Сафина Э.Н., Максимов К.В. Профилактика экстремизма : учебник. Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. 232 с.
9. Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 160 с.
10. Васнецова А.С. Государственная политика по противодействию экстремизму // Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор / [П.В. Агапов, С.В. Борисов, А.С. Васнецова и др.]. М., 2015. С. 11–30.

11. *Бренёва М.О.* Низкий уровень правовой социализации как одна из причин проявления молодежного экстремизма // Государственно-правовые исследования. 2020. Вып. 3. С. 501–503.
12. *Венцель С.В.* Экстремизм: сущность феномена и факторы распространения // Теория и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 6А. С. 72–77.
13. *Нардина О.В.* Приоритетные задачи государства и гражданского общества по профилактике экстремизма и терроризма в среде несовершеннолетних // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сб. материалов Второй Международ. науч.-практ. конф., 8–10 окт. 2020 г. / под науч. ред. В.В. Коврова. Симферополь : АРИАЛ, 2020. С. 106–111.
14. *Никитина Т.А., Терентьева И.А.* Формирование системы профилактики экстремизма в студенческой среде: опыт Оренбургского государственного университета // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 86–94.
15. *Ростокинский А.В.* Фанатские группировки как первичные организационные структуры // Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоныяна. 2-е изд., доп. М. : Логос, 2014. С. 55–74.
16. *Диль В.А.* Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 2013. 19 с.
17. *Антоныян Ю.М.* Общесоциальные причины экстремизма // Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоныяна. 2-е изд., доп. М. : Логос, 2014. С. 74–81.
18. *Шинкарук В.М., Фантров П.П.* Координация деятельности правоохранительных органов и конструктивных ассоциаций граждан в контексте профилактики молодежного экстремизма // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 7А. С. 111–120.
19. *Гишинский Я.И.* Экстремизм в контексте насилия в современной России // Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоныяна. 2-е изд., доп. М. : Логос, 2014. С. 89–106.
20. *Прокументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
21. *Черняк Н.А.* Как возможен свободный поступок: Сартр contra Кант // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 62–66.
22. *Суюнчалиева О.Т.* Историко-правовые аспекты развития миграционных правоотношений // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 74–77.
23. *Долгошеин П.С.* Специфика противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в сети Интернет в Европейском союзе и Российской Федерации // Противодействие экстремизму и терроризму : материалы Межд. науч.-практ. конф. (Москва, 7 июня 2017 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 64–67.
24. *Коневская О.Ю.* Этические нормы и общественный контроль в правовом механизме предупреждения злоупотреблений свободой массовой информации // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4 (24). С. 16–21.
25. *Соловьева Н.А., Фантров П.П.* Интеграция государства и гражданского общества в сфере профилактики молодежного экстремизма в контексте правовой социализации // Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 2. С. 21–26.
26. *Сойников С.А.* Административно-правовое регулирование оборота массовой информации в органах внутренних дел Федеративной Республики Германия // Научный портал МВД России. 2011. № 2 (14). С. 124–128.
27. *Карпович О.Г.* Опыт противодействия терроризму в США // Противодействие экстремизму и терроризму : материалы Межд. науч.-практ. конф. (Москва, 7 июня 2017 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 100–101.
28. *Петрянин А.В.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 301 с.
29. *Жамборов А.А.* Современный экстремизм и терроризм как реальная угроза безопасности в российском обществе // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. XIII, № 4. С. 48–51.
30. *Букаев Н.М., Волосова Н.Ю.* Отдельные аспекты борьбы с экстремизмом и терроризмом на религиозной почве среди подростков и молодежи // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 3А. С. 147–157.

Methodological Problems of Preventing Youth Extremism in Russia

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 16, pp. 114–122. DOI: 10.17223/23088451/16/22

Aleksey S. Knyazkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: factors of extremism, youth extremism, objects of violent extremism, prevention of youth extremism, research methodology.

The current state of the fight against extremism in Russia reflects the most important areas of domestic criminal policy, essentially is the focus of the problems of society and the state, and requires the search for the most important directions of prevention of extremist manifestations. An analysis of publications on the causes of youth extremism in Russia reveals a tendency to find extremist aspirations primarily in the age characteristics of the subjects of this extremism, without linking the issue to factors of the material life of society in general and its young part in particular. When deciding on the prevention of extremism among youth, it is necessary to take into account the results of law enforcement agencies' activities initiated by the adopted program documents. The activities are specific in nature; they can follow the scheme of influencing the factors of youth extremism "at any cost" and the scheme of influencing the factors that require minimal organizational material costs. The article provides a critical assessment of the simple enumeration of the causes of youth extremism without linking them into a system and highlighting systemic factors. The unsatisfactory use of the methodological tools for carrying out research on the problems of youth extremism is noted. The relationship between the concepts of nationalism and extremism is considered; the constructive and destructive aspects of extremism as a natural human factor, which should be taken into account in organizing youth extremism prevention, are noted. The potential and methodology of using foreign and regional experience in the prevention of youth extremism are analyzed. A methodological block of research on contemporary problems of youth extremism in the Russian Federation is proposed.

References

1. Dimitrova, E.A. (2012) Criminal liability for making public appeals to extremism and terrorism activity as a means of counteraction to extremism and terrorism. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii – Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 1 (10). pp. 175–178. (In Russian).
2. Korukhova, K.N. & Barienikova, E.E. (2020) [Essence, causes and prevention of youth extremism]. *Studencheskaya nauka* [Student science]. Proc. of the International Conference. Moscow: RGUFKSMiT. pp. 335–340. (In Russian).
3. Abramov, A.E. (2020) Extremism among young people as a threat to Russia's national security in the context of globalization. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 5 (82). pp. 52–55. (In Russian).
4. Kodeks. (2019) *Konventsia Shangkayskoy organizatsii sotrudnichestva po protivodeystviyu ekstremizmu. Ratifitsirovana federal'nym zakonom № 196-FZot 26 iyulya 2019 g.* [The Shanghai Cooperation Organisation Convention on Countering Extremism. Ratified by Federal Law No. 196-FZ of July 26, 2019]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/542655220>.
5. Tirranen, V.A. (2013) Fantomy rossiyskoy ugovnoy politiki XXI veka [Phantoms of the Russian criminal policy of the 21st century]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnnyy zakon* [Crime, criminal policy, criminal law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 62–64.
6. Sergun, E.P. (2013) Vozmozhnosti ugovnogo prava v protivodeystvii konfliktam na natsional'noy pochve [The potential of criminal law in countering conflicts on ethnic grounds]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnnyy zakon* [Crime, criminal policy, criminal law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 436–438.
7. Mits, D.S. (2020) Anti-terrorist Function of the State: Search for New Forms of Implementation. *Lex Russica*. 73:2 (159). pp. 125–132. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2020.159.2.125-132
8. Abdrakhmanov, D.M., Safina, E.N. & Maksimov, K.V. (2017) *Profilaktika ekstremizma: uchebnik* [Prevention of extremism: Textbook]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
9. Ol'khovik, N.V. & Prozumentov, L.M. (2009) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Convicts' recidivism and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Vasnetsova, A.S. (2015) Gosudarstvennaya politika po protivodeystviyu ekstremizmu [State policy on countering extremism]. In: Agapov, P.V. et al. (eds) *Ekstremizm: strategiya protivodeystviya i prokurorskiy nadzor* [Extremism: Countering strategy and prosecutor's supervision]. Moscow: Prospekt. pp. 11–30.
11. Breneva, M.O. (2020) Low level of legal socialization as one of the causes of youth extremism. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – State Legal Research*. 3. pp. 501–503. (In Russian).
12. Ventsel', S.V. (2019) Extremism: the essence of the phenomenon and factors of distribution. *Teoriya i problemy politicheskikh issledovaniy – Theories and Problems of Political Studies*. 8 (6A). pp. 72–77. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.103
13. Nardina, O.V. (2020) [Priority tasks of the state and civil society in the prevention of extremism and terrorism among minors]. *Profilaktika deviantnogo povedeniya detey i molodezhi: regional'nye modeli i tekhnologii* [Prevention of deviant behavior of children and youth: Regional models and technologies]. Proc. of the International Conference. 8–10 October 2020. Simferopol': IT "ARIAL". pp. 106–111. (In Russian).
14. Nikitina, T.A. & Terent'eva, I.A. (2020) Formation of a system for prevention of extremism in the student community: Experience of Orenburg State University. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 20 (2). pp. 86–94. (In Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2020-2-86-94
15. Rostokinskiy, A.V. (2014) Fanatskie gruppировки kak pervichnye organizatsionnye struktury [Fan groups as primary organizational structures]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. 2nd ed. Moscow: Logos. pp. 55–74.
16. Dil', V.A. (2013) *Sovremennyy ekstremizm i formy ego preodoleniya: sotsiokul'turnyy aspekt* [Modern extremism and forms of overcoming it: A sociocultural aspect]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Tomsk.
17. Antonyan, Yu.M. (2014) Obshchetsotsial'nye prichiny ekstremizma [General social causes of extremism]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. 2nd ed. Moscow: Logos. pp. 74–81.
18. Shinkaruk, V.M. & Fantrov, P.P. (2020) Coordination of the activities of law enforcement agencies and citizens' associations in the context of the prevention of youth extremism. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 10 (7A). pp. 111–120. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2020.73.78.015
19. Gilinskiy, Ya.I. (2014) Ekstremizm v kontekste nasiliya v sovremennoy Rossii [Extremism in the context of violence in modern Russia]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. 2nd ed. Moscow: Logos. pp. 89–106.
20. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast'): uch. posobie* [Criminology (General Part): Textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Chernyak, N.A. (2016) How is a free action possible: Sartre contra Kant. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 3 (62). pp. 62–66. (In Russian).
22. Suyunchaliev, O.T. (2013) Historical and legal aspects of development of migration legal relations. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia* 1 (25). pp. 74–77. (In Russian).
23. Dolgoshein, P.S. (2017) [The specifics of countering manifestations of extremism and terrorism on the Internet in the European Union and in the Russian Federation]. *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu* [Countering extremism and terrorism]. Proc. of the International Conference. Moscow. 7 June 2017. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 64–67. (In Russian).
24. Konevskaya, O.Yu. (2012) Ethical standards and public control in the legal mechanism of the prevention of abuses by the freedom of mass media information. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 4 (24). pp. 16–21. (In Russian).
25. Solov'eva, N.A. & Fantrov, P.P. (2020) The integration of the state and civil society to prevent youth extremism in the context of legal socialization. *Pravovaya paradigma – Legal Paradigm*. 19 (2). pp. 21–26. (In Russian). DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.3
26. Soynikov, S.A. (2011) Administrative and legal regulations of mass information rotation in the Federal Republic of Germany police. *Nauchnyy portal MVD Rossii – Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*. 2 (14). pp. 124–128. (In Russian).

27. Karpovich, O.G. (2017) [The experience of countering terrorism in the United States]. *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu* [Countering extremism and terrorism]. Proc. of the International Conference. Moscow. 7 June 2017. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 100–101. (In Russian).
28. Petryanin, A.V. (2014) *Protivodeystvie prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti: ugovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty* [Counteracting extremist crimes: Criminal law and criminology aspects]. Law Dr. Diss. Moscow.
29. Zhamborov, A.A. (2020) Modern extremism and terrorism as a real threat to security in russian society. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. XIII (4). pp. 48–51. (In Russian).
30. Bukaev, N.M. & Volosova, N.Yu. (2020) Some aspects of the fight against religious extremism and terrorism among adolescents and youth. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Matters of Russian and International Law*. 10 (3A). pp. 147–157. (In Russian). DOI: 10.34670/AR. 2020.93.3.012